"посылать" в активе: согласно автору "член оппозиции каузация действия–действие") в Пакианы (употреблен дат.-лок.), и несет (актив 3 л. презенса) дары, и ведет (актив 3 л. презенса) *порен(-а, -ов)* владычице: ЗОЛОТАЯ ВАЗА 1 шт., ЖЕНЩИНА 1". PY Va 15-verso a: a-mo-i-je-to/armo ijetoi/, для которого часто принимается толкование "колесница послана (пассив, форма 3.л. ед.ч. медия)".

Как можно видеть из приведенных примеров, микенский сам по себе не может дать цельной картины залоговых оппозиций, однако он помогает уточнить хронологию и пути семантического развития глагольных форм. В большинстве случаев микенский материал подтверждает выводы И.А. Перельмутера и лишь в одном случае решительно противится его выводу: "Процесс проникновения медиальных окончаний в систему перфекта уже в языке Гомера близок к своему завершению" (с. 187). Мы видели, что вхождение медиального перфекта в парадигму вполне завершено уже в микенском, на половину или даже на целое тысячелетие раньше тех сроков, которые обозначил И.А. Перельмутер. И конечно, не в V–IV вв. до н.э., а уже в микенский период истории греческого языка, к середине II тыс. до н.э., произошло то сближение медиального перфекта с медиальным презенсом и аористом, которое привело к появлению пассивно-результативных функций медиального перфекта, которые мы наблюдаем в микенском описании разобранной на части колесницы – me-ta-ke-ku-me-na – с чисто пассивным и результативным значением. Микенские примеры давно введены в научный оборот. Они есть и во втором издании "Исторической грамматики" П. Шантрена [8] (автор ссылается только на первое издание [9], переведенное Я.М. Боровским на русский язык), и у Рикса [10], и в "Истории греческого языка" М. Мейера-Брюггера [11], последнего по времени и очень дельного издания. (Отметим также работы [12, 13], неучтенные в книге.)

Функциональный анализ обобщен в утверждении (с. 165) о поразительной близости общей картины функционирования медия в древних и.-е. языках к той картине, которую представляет функционирование местоименных глаголов в новых и.-е. языках. Читатель должен видеть здесь нечто большее, чем просто указание на "переводимость" (см., например, [14]), т.е. на наличие семантического эквивалента: здесь содержится притязание на единообразие: 1) всех языков Европы Нового времени (я не уверен, что автор все же не исключил отсюда кельтские языки) и 2) всех древних языков (для санскрита я не знаю десятичленной системы залоговых значений, представленной для древнегреческого И.А. Перельмутером (с. 165–166); не знаю такой классификации и для хеттского.

Остается без ответа самый существенный вопрос: а нет ли в древних языках чего-то такого в системе залога, чего мы не видим просто потому, что привыкли к грамматикам трех важнейших европейских языков? Ответом на этот вопрос служит лишь замечание на с. 166: "... тщательный анализ *обнаружит* (выделено мною – *Н.К.*) наряду с явным сходством и некоторые различия". Однако И.А. Перельмутер не берет на себя этот "тщательный анализ" различий, а переходит к доказательству приоритета прямо-возвратной функции медия перед интранзитивной. Различия оказываются неперечисленными. Сходство окончаний медия и перфекта объясняется "на основе различных предположений" (с. 164), которые затем перечислены списком без серьезного разбора и исчерпывающей библиографии. И.А. Перельман считает "целесообразным отказаться от рассмотрения материальных элементов глагольных показателей и обратиться к анализу функциональному". Возникает вопрос, почему, если речь идет об анализе, касающемся ранней истории и генезиса форм в древнегреческом языке, не упомянуты и не проанализированы тексты, в которых сохраняются показатели -soi, -toi, -ntoi. Казалось бы, диалекты – микенский, кипрский и аркадский, – в которых нет аналогического выравнивания по парадигме перфекта (почему, впрочем, перфекта? Обычно выравнивание понимают как выравнивание по форме 1 л. ед.ч.), должны сохранять что-то особое в противопоставлениях медия и перфекта. Сама же смена окончаний и их уподобление перфекту (гипотеза, которую без альтернатив принимает автор на с. 163) должны отражать и функциональный сдвиг, который легче видеть на фоне употреблений глагольных форм в тех диалектах, где влияния указанной аналогии просто не могло быть.

Все, что касается филологической критики и герменевтики классических текстов, может показаться излишним. В последние десятилетия в отечественной науке текстология и традиционная филология были настолько обделены вниманием, что просто не принимались в расчет при лингвистических исследованиях. Книга И.А. Перельмутера основательна и в отношении текстологии, хотя всюду, где это только возможно, он избегает текстологических вопросов. Тексты, список которых открывает раздел библиографии, даны в лучших изданиях, однако нигде не оговорено, что они – только выработанный издателем вариант авторского прочтения рукописного наследия, а не подлинный текст самого античного писателя. Особенно ярко это видно в использовании, например, поэм Гомера в издании Аллена. Автор нигде не оговаривает, что Аллен создал на основе рукописей и конъектур предшественников-филологов текст, над которым исследователи продол-